

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата философских наук Тарасенко Тараса Николаевича
на тему: «Метафизика Дэвида Армстронга»
по специальности 5.7.2. История философии**

Диссертационная работа Тараса Николаевича Тарасенко нацелена на детальный историко-философский анализ ключевых узлов и компонентов метафизической системы австралийского философа Дэвида Армстронга (его взглядов на универсалии, модальность, причинность, законы природы, сознание и т.д.). Она состоит из введения, четырех глав основного текста, заключения, приложений и списка литературы (включающего в себя 172 позиций, в том числе – 137 англоязычный источник). Основные научные результаты диссертационной работы были представлены и апробированы в виде устных докладов на профильных секциях разного уровня конференций (III Конгресс Русского общества истории и философии науки, Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 2022 г.; научная конференция «История западной философии: классика и современность», МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022 г.), семинарах кафедры ИЗФ МГУ им. М.В. Ломоносова и сектора СЗФ ИФ РАН (2023, 2026 гг.), а также нашли отражение в 4 статьях в рецензируемых журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ («Философский журнал», «Вестник Московского университета. Серия 7. Философия», «Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология»).

Актуальность диссертационной работы не вызывает сомнений. Система Армстронга была и продолжает оставаться значимым элементом дискуссий современной аналитической метафизики, нацеленных на поиски решений широкого спектра классических философских проблем – от проблемы истины и универсалий до проблемы модальности и природы сознания.

Диссертационная работа хорошо структурирована и согласована с набором решаемых в ней исследовательских задач (включающих в себя реконструкцию ключевых узлов и компонентов системы Армстронга – его онтологии и теории универсалий, теории факторов истинности, комбинаториалистской модальной метафизики, теории причинности и материалистической теории сознания). В первой главе [С. 18–53] автор детально описывает историко-философский и общий социо-культурный контекст, в котором формировались философские взгляды Армстронга. Знакомство с этим контекстом ценно не столько тем, что дает нам панораму, на фоне которой удобно отслеживать интеллектуальную траекторию Армстронга, а прежде всего тем, что такой контекст позволяет нам вскрыть внутреннюю логику самого процесса постепенного формирования философских взглядов Армстронга. В качестве наиболее важных и значимых источников интеллектуального влияния на философские взгляды Армстронга автор выделяет фигуры Джона Андерсона [С. 23–29], Алана Камерона (Камо) Джексона [С. 37], Уллина Томаса Плейса и Джона Джеймисона (Джека) Смарта [С. 38] и Майкла Тули [С. 49–50].

Во второй, наиболее объемной, главе диссертационной работы [С. 54–118] ставится и решается задача детальной реконструкции концептуального ядра метафизической системы Армстронга. Автор начинает с разбора взглядов Армстронга на супервентность и тождество [С. 54–64]. Особое внимание он уделяет идее отсутствия дополнительной онтологической нагрузки в случаях супервентности одних сущностей над другими, разнице строгого и нестрогого тождества (характеризуемого как отношение принадлежности одному классу эквивалентности), а также такому отдельному и специфическому типу тождества, как частичное тождество, реконструируя оригинальный аргумент Армстронга в его защиту [С. 63–64]. Затем автор дает реконструкцию «общего онтологического наброска» метафизической системы Армстронга [С. 64–72], вскрывая его основные концептуальные ресурсы (фактуализм, натурализм и физикализм). Именно эти ресурсы позволяют Армстронгу рассматривать мир как пространственно-временную целостность, тождественную множеству

положений дел, конститuentами которых служат простые партикулярии, свойства и отношения (универсалии). Отдельно и достаточно подробно автор анализирует концепцию апостериорного реализма Армстронга, включающую в себя тезисы о том, что универсалии имманентны (не образуют отдельного «платонистского царства форм»), онтологически «скудны» (в том смысле, что не каждый предикат соответствует универсалии) и обнаруживаются научным исследованием, а также специальные вопросы индивидуации партикулярий и инстанцииции универсалий [С. 69–80]. Далее автор реконструирует еще один ключевой узел метафизической системы Армстронга – его теорию истины [С. 84–97]. Обозначив в качестве носителей истины класс всех возможных пропозиций (понимаемых как абстракции от содержания убеждений и мыслей агентов), автор вскрывает внутреннюю механику теории Армстронга, в соответствии с которой создание истины анализируется как отношение необходимого кросс-категориального «вынуждения» между возможными пропозициями и положениями дел, включая требования так называемого «максимализма» (для всех истин есть факторы), завершая свою реконструкцию разбором сложных случаев, вроде негативных, модальных и математических истин. Вопрос о факторах истины модальных утверждений служит для автора «мостом» к другому ключевому узлу системы Армстронга – теории комбинаторализма, в которой возможный мир строится из рекомбинации актуальных универсалий и партикулярий [С. 97–116]. Для оценки сильных и слабых сторон взглядов Армстронга на модальность автор проводит сравнительный анализ его версии теории комбинаторализма с двумя наиболее распространенными моделями – конкретизмом и абстракционизмом. Преимуществами теории комбинаторализма автор считает «онтологическую экономность», поскольку такая теория не требует постулирования огромного множества конкретных миров, так как возможные миры для Армстронга – это не реальные объекты, а всего лишь максимальные согласованные комбинации положений дел, строительство которых осуществляется из того, что уже есть в нашем актуальном мире (действительных партикулярий и универсалий).

Комбинаториализм также не имеет проблем с каузальной эффективностью. В отличие от конкретизма, в котором возможные миры каузально изолированы, что вызывает сомнения в реальности их существования, у Армстронга такой проблемы нет. В его теории возможные миры не являются дополнительными сущностями, так что для них не релевантен вопрос о каузальной связи с нашим миром. Автор показывает, что более гибкие в онтологическом отношении теории абстракционизма, где возможные миры понимаются как максимальные пропозиции, что требует признания существования абстрактных сущностей, не совместимы с натуралистической установкой Армстронга. В отличие от таких теорий, «онтологическая экономность» комбинаториализма позволяет строить модальность исключительно из одних только физических сущностей (пространственно-временных партикулярий и имманентных универсалий). Более того, теория Армстронга имеет преимущество над абстракционизмом в непримитивном понимании модальности. В комбинаториализме модальные истины жестко привязаны к немодальной (натуралистической) онтологии, так что модальность здесь может быть полностью редуцирована к рекомбинациям актуальных компонентов, не оставляя никаких «остатков» (в виде модальных примитивов). К числу недостатков и слабых сторон теории Армстронга автор относит, прежде всего, проблему с устойчивостью контингентности. Автор вскрывает и показывает серьезное внутреннее напряжение между тем, что в комбинаториализм имплицитно «вшита» совместимость с моделями S4 (с несимметричным отношением достижимости), и тем, что наша интуитивная модальная логика, а также теория истины самого Армстронга, напротив, требуют скорее моделей S5 (с симметричным отношением достижимости). Проблема, однако, в том, что формальная схема устойчивой контингентности, записываемая автором в виде $[(\diamond p \wedge \diamond \neg p) \rightarrow \Box(\diamond p \wedge \diamond \neg p)]$, не является теоремой в моделях S4, формальное доказательство этого приводится в приложении к диссертационной работе [С. 199–205]. Другими слабыми сторонами теории комбинаториализма, с точки зрения автора, являются характерные для него «узость модальной области» и своего рода «шовинизм» в пользу актуального

мира (что ставит перед теорией Армстронга проблему «чуждых» универсалий, когда «удаленная» из более «богатого» мира универсалия будет недостижима из более «бедного» мира), а также угроза возникновения порочного круга в определении комбинаторной независимости атомарных положений дел (когда для объяснения модальности нужно знать, какие из универсалий независимы, но определение этого нельзя выполнить без апелляции к модальности).

В третьей главе диссертационной работы [С. 119–155] реконструируются взгляды Армстронга на причинность и законы природы. Автор вскрывает и детально анализирует ключевые теоретические ресурсы, на которые опирается Армстронг: сингуляризм (единичная причинность понимается как реальный структурный компонент мира, но как концептуальный, а не онтологический примитив), номологический реализм (законы природы рассматриваются как реальная необходимая связь в форме отношения N между универсалиями, понимаемыми как типы положений дел) [С. 122–148]. Отдельное внимание автор уделяет критике Армстронгом контрфактуальной теории причинности [С. 130–138] и юмианского (регулярностного) подхода к законам природы [С. 148–151]. На основе реконструкции и предпринятого критического анализа автор приходит к однозначному выводу о том, что взгляды Армстронга на причинность, помимо того, что они успешно справляются с проблемой факторов истины контрфактуалов, являются одним из лучших кандидатов для натуралистической метафизики законов природы.

Наконец, в заключительной четвертой главе диссертационной работы [С. 156–179] автор обращается к реконструкции теории сознания Армстронга. Автор детально анализирует каузальную теорию тождества Армстронга, в которой ментальные состояния отождествляются с состояниями центральной нервной системы (ЦНС) на основе их каузальной роли. На основе анализа автор демонстрирует наиболее открытые для критики места теории сознания Армстронга. В частности, автор довольно подробно рассматривает проблему контингентного тождества [С. 159–164], показывая как тезис о контингентном тождестве ментального и физического ставит теорию сознания Армстронга в

уязвимое для дуалистической интерпретации положение (например, через апелляцию к аргументу зомби Дэвида Чалмерса). В качестве ответа на такого рода критику автор предлагает оригинальную модификацию теории сознания Армстронга, а именно – замену тезиса о контингентном тождестве на тезис о логической супервентности ментального над физическим, что, согласно позиции автора, позволит сохранить физикалистское ядро теории и исключить возможность зомби, оставляя, однако, открытой возможность внетелесного существования [С. 164–167]. Еще одно уязвимое для критики место в теории Армстронга автор видит в его взглядах на интенциональность [С. 175–179]. Армстронг трактует интенциональность как разновидность диспозиции и таким образом пытается натурализовать ее через понятие причинной цепи. Но, как показывает автор, если мы примем логику рассуждений Армстронга, то интенциональность рискует оказаться слишком распространенным свойством, утратив тем самым свои специфические черты именно как ментального феномена. Иными словами, тезис о диспозиционном характере интенциональности (понимаемой просто как способность различать разные стимулы окружающей среды, например, отличать красный шарик от не-красного, и соответствующим образом на них реагировать) явно или неявно размывает границу между ментальным и нементальным. Ведь в таком случае даже примитивная сортировочная машина, раскладывающая, как пишет автор, красные и синие шарики по разным корзинам, будет считаться обладающей интенциональностью. Кроме того, автор показывает, что попытка Армстронга свести интенциональность к той функциональной роли, которую она играет (может играть) в причинных цепях, сталкивается с очевидным возражением. Сложные интенциональные объекты (наподобие мыслей о несуществующих вещах), в отличие от случаев с сортировкой красных и не-красных шариков, выходят далеко за пределы непосредственной окружающей среды и поэтому вряд ли могут быть объяснены ссылкой на причинные цепи стимул-реакция. Отдельно автор разбирает и проблему феноменальных квалиа [С. 167–175], в частности, анализирует попытку Армстронга отождествить их с вторичными

качествами, чтобы затем редуцировать их к физическим свойствам. Автор считает такой подход (попытку прямого отождествления вторичных качеств с физическими свойствами) крайне проблематичным и, опираясь на аргумент разоблачения, предлагает нам принять альтернативный иллюзионистский подход к проблеме квалиа, концептуально совместимый с общим физикалистским ядром теории сознания Армстронга.

Основные научные результаты диссертационной работы систематически изложены, детально аргументированы, а также опираются на релевантные историко-философские источники и в целом отличаются высокой степенью достоверности. Научная новизна основных результатов во многом связана с тем, что диссертационная работа является не просто примером качественного историко-философского исследования метафизической системы Армстронга, но и содержит в себе содержательные линии для ее возможной модификации. В частности, стандартная интерпретация взглядов Армстронга на сознание рассматривает его как теоретика контингентного токенного тождества (т.е. сторонника редуктивного физикализма). Автор же предлагает основания для иллюзионистского прочтения взглядов Армстронга на сознание, показывая, что в принципе они либо обладают, либо совместимы со всеми необходимыми теоретическими ресурсами для подобной модификации (аргумент от иллюзии и аргумент разоблачения). Иллюзионизм как опция в философии сознания, разумеется, не является чем-то новым. Однако применение его ресурсов для модификации и защиты теории сознания Армстронга, а также демонстрация того, что сам по себе направление рассуждений Армстронга подталкивает нас к иллюзионизму, несомненно, служат примерами самостоятельно полученных автором результатов, обладающих научной новизной. Поэтому предложенная автором масштабная и систематическая реконструкция философских взглядов Армстронга содержит в себе серьезный эвристический потенциал, который может быть востребован в дальнейших поисках новых оригинальных решений для целого ряда ключевых проблем современной аналитической метафизики

и философии сознания (трудной проблемы сознания, проблемы модальности, причинности и др.).

Представленная к защите диссертационная работа обладает целым рядом несомненных достоинств:

1.1. Нельзя не отметить масштаб и трудоемкость проведенного автором исследования. Диссертационная работа демонстрирует глубокое знакомство с оригинальными текстами Армстронга и релевантной вторичной литературой. Исследование автора выстраивается на основе детальной последовательной реконструкции очень широкой по своему охвату метафизической системы Армстронга (включающей в себя в качестве ключевых узлов и компонентов теорию универсалий, комбинаториалистскую теорию модальности, теорию причинности, теорию законов природы и теорию сознания). Отдельно следует отметить, что автор не просто реконструирует взгляды Армстронга, но и обсуждает возможные пути их дальнейшего развития и модификации (вроде предложений по замене контингентного тождества на логическую супервентность или иллюзионистского прочтения квалиа).

1.2. Дополнительная эвристическая ценность проведенного автором исследования заключается в том, что в нем реконструируются, обсуждаются и вводятся в научный оборот вопросы, которые не получили должного внимания со стороны российских специалистов (вопросы о сравнительных достоинствах и недостатках комбинаториализма по отношению к альтернативным теориями модальности – конкретизму и абстракционизму, вопросы о внутренней связи теории причинности и теории законов природы, вопросы о факторах истины для «сложных случаев», таких как негативные и модальные истины).

1.3. Важным содержательным достоинством диссертационной работы можно считать обоснованный автором вывод о концептуальном напряжении между двумя важнейшими узлами системы Армстронга – теорией факторов истины и комбинаториализмом. Обычно эти два узла метафизической системы Армстронга в исследовательской литературе анализируются изолированно [хотя есть и исключения, например, см.: Lewis D. Critical Notice // Australasian

Journal of Philosophy. 1992. Vol. 70. No. 2. P. 211–224]. Автор же выявляет и детально рассматривает концептуальное напряжение, возникающее между комбинаториалистской трактовкой модальности, которая предполагает несимметричную структуру достижимости из-за возможности «усеченных» миров без некоторых универсалий, имеющих в нашем актуальном мире, и факторами истины для модальных истин, требующих устойчивости контингентности, что логически эквивалентно требованию симметричной структуры достижимости. Формальное доказательство для такого вывода представлено в приложении к диссертационной работе [С. 199–205] и является оригинальным техническим вкладом автора.

Разумеется, характер, масштаб и сложность вопросов, рассматриваемых в диссертационной работе Тараса Николаевича Тарасенко, дают основания для полемики. Поэтому, помимо очевидных достоинств диссертационной работы, следует указать и ряд замечаний, оспаривающих некоторые авторские тезисы и выводы.

2.1. В тех параграфах диссертационной работы, в которых предлагается реконструкция комбинаториализма Армстронга [С. 102–116], автор дает также обзор и анализ основных проблем такого взгляда на модальность. В частности, в их числе автор выделяет и обсуждает проблему «чуждых универсалий» [С. 105–106, 111–112], локализуя на ее основе теоретическое напряжение внутри комбинаториализма Армстронга, непосредственно связанное с требованием устойчивости контингентности [С. 112–114]. Автор справедливо подчеркивает остроту проблемы «чуждых универсалий» на фоне возможности «усеченных» миров, то есть миров, в которых инстанцируется меньшее число универсалий из их полного набора, инстанцируемого в актуальном мире [С. 105–106]. Тем не менее, при обсуждении возможности «усеченных» миров из поля внимания автора, кажется, ускользает еще один вид теоретического напряжения внутри метафизической системы Армстронга. Чтобы его выявить и локализовать, следует вкратце напомнить некоторые базовые принципы комбинаториализма в том виде, в котором они были реконструированы в диссертационной работе.

В параграфе, где делается разбор онтологического наброска метафизической системы Армстронга [С. 64–69], автор приводит описание исходного набора входных данных для принципа рекомбинации, который включает в себя следующие компоненты: (i) простые партикулярии (**a, b, ...**) и (ii) универсалии в виде простых свойств (**F, G, ...**) и простых отношений (**R, S, ...**). Армстронговские миры являются конъюнкциями атомарных положений дел вида **b** является **F**, или **Fb**, и вида **a** находится в отношении **R** к **b**, или **Rab**, а также фактов полноты – **Это все**. Компоненты миров (i) и (ii) являются абстракциями от атомарных положений дел описанного выше вида, но именно они играют роль входных данных для принципа рекомбинации, позволяющего образовывать Армстронговские миры, или конъюнкции вида (**Fb; Gc; Rbc; Это все**), (**Fb; Gc; Fb₁; Rbc; Это все**), (**Fb; Это все**) и т.д. Автор справедливо указывает, что для Армстронга компоненты миров (i) и (ii) сами по себе существовать не могут, что не позволяет постулировать либо получать путем применения принципа рекомбинации миры вида (**b; c; F; G; R; Это все**), (**b; c; b₁; F; G; R; Это все**), (**b; F; Это все**). Такой запрет в рамках онтологического наброска метафизической системы Армстронга не кажется произвольным. Однако, поскольку принцип рекомбинации не запрещает «усеченные» миры, а сами по себе компоненты (i) и (ii) допускают независимую рекомбинацию, то представим следующий проблемный для комбинаториализма Армстронга случай. Представим мир **w₁** такой, что (**Fa; Gb; Rab; Это все**), где **R** является каким-либо произвольным ассиметричным отношением. Теперь, если принять принципы комбинаториалистской теории Армстронга, то из мира **w₁** должен быть достижим, например, мир **w₂** такой, что (**Fa; Gb; Rba; Это все**). Кроме того, из него должны быть также достижимы и различные «усеченные миры», в которых исходный для **w₁** набор инстанцируемых универсалий сокращен, например, мир **w₃** такой, что (**Ga; Это все**), или мир **w₄** такой, что (**Rba; Это все**). Тем не менее, мир **w₄** в комбинаториализме Армстронга невозможен, поскольку в нем запрещены миры, составленные только из таких атомарных положений дел, в которых простые партикулярии инстанцируют универсалии

исключительно в виде простых отношений. Такой запрет *prima facie* видится произвольным и пусть даже неявно, но влечет за собой напряжение уже внутри теории универсалий Армстронга, когда на фоне действия принципов его комбинаториализма, такие универсалии, как простые свойства, оказываются в более привилегированном положении при рекомбинаторном строительстве «усеченных» миров, чем такие универсалии, как простые отношения. Предложенная автором в диссертационной работе реконструкция комбинаториализма Армстронга не содержит в себе обсуждения описанной выше разновидности напряжения внутри его метафизической системы, и автор никак не комментирует запрет Армстронга на миры, полностью состоящие из атомарных положений дел, где фигурирующие в них простые партикулярии инстанцируют исключительно одни только простые отношения.

2.2. Помимо указанного выше напряжения между комбинаториализмом Армстронга и его теорией универсалий, предложенная автором реконструкция не уделяет внимания и еще одной важной концептуальной компоненте его метафизической системы, а именно его приверженности тезису о слабом анти-гекцеитизме (*weak anti-haecceitism*). Взгляды гекцеитизма и анти-гекцеитизма, как известно, рассматриваются и формулируются Армстронгом на примере с двумя «игрушечными» мирами: миром w_1 таким, что (**Fa; Gb; Rab; Это все**), и миром w_2 таким, что (**Fb; Ga; Rab; Это все**), где **R** является каким-либо произвольным симметричным отношением [Armstrong D. M. *A Combinatorial Theory of Possibility*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 58–59; Armstrong D. M. *A World of States of Affairs*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 107–108]. Взгляды гекцеитистов заключаются в том, что в примере с мирами w_1 и w_2 мы в действительности имеем дело с *двумя разными* мирами, то есть для них путем рекомбинации, если принять мир w_1 за актуальный, мир w_2 может быть рекомбинирован как возможный. Иными словами, они не исключают возможности того, чтобы в мире w_2 положения дел были по своим свойствам полностью тождественны положениям дел в актуальном мире w_1 , лишь за исключением только того, что партикулярия **b** в

мире w_2 обладает всеми свойствами (в примере инстанцирует универсалию **F**), которыми в актуальном мире w_1 обладает партикулярия **a**, в то время как партикулярия **a** в мире w_2 обладает всеми свойствами (в примере инстанцирует универсалию **G**), которыми в актуальном мире w_1 обладает партикулярия **b**. Проще говоря, для гекцеитистов возможны миры (наподобие миров w_1 и w_2) различающиеся только *solo numero*. Взгляды анти-гекцеитистов, напротив, заключаются в том, что в примере с мирами w_1 и w_2 мы имеем дело просто с *двумя описаниями одного мира*. Армстронг, однако, придерживался взглядов *слабого* анти-гекцеитизма, отрицающих возможность межмирового различия *solo numero*, но допускающего такого рода различие как *внутримировое*. Для сильных анти-гекцеитистов, в отличие от слабых, вроде Армстронга, мир w_3 такой, что (**Fa; Fb; Rab; Это все**), где **R** является каким-либо произвольным симметричным отношением, не может быть постулирован либо получен путем рекомбинации как возможный; с их точки зрения, такой мир должен был бы просто «коллапсировать» в мир с единственным индивидом w_4 такой, что (**Fa; Это все**). Слабый анти-гекцеитизм Армстронга, позволял рассматривать мир, вроде w_3 , как возможный, (хорошей иллюстрацией для w_3 мог бы быть мир, в котором существуют две качественно неразличимые сферы Макса Блэка). К сожалению, автор при реконструкции метафизической системы Армстронга нигде не поднимает и не обсуждает его тезис о слабом анти-гекцеитизме, упуская тем самым, как кажется, еще одно серьезное внутреннее напряжение. Проблема заключается в том, что тезис о слабом анти-гекцеитизме, по всей видимости, плохо либо абсолютно не совместим с принципом рекомбинации, который принимает Армстронг. В соответствии с принципом рекомбинации Армстронга, для любых простых партикулярий **a**, **b**, ... и любых *n*-адических простых универсалий **F**, **G**, ... любые атомарные положения дел вида **Fa**, **Ga**, **Fb**, **Gb** являются возможными. Из этого, как кажется следует, если мы примем мир w_3 такой, что (**Fa; Fb; Rab; Это все**), где **R** произвольное симметричное отношение, в качестве актуального, то принцип рекомбинации не запрещает получение такого возможного мира, как w_5 , в котором (**Fb; Fa; Rab; Это все**).

Однако, согласно взглядам слабого анти-гексеитизма, мир w_5 по отношению к миру w_3 не является возможным миром, который можно было бы получить с помощью принципа рекомбинации, поскольку мы были бы обязаны признать, что в этом случае речь на самом деле идет об одном и том же мире, а не о двух разных мирах. На первый взгляд, тут нет никакой проблемы. Анти-гексеитизм просто накладывает ограничения на способы описания миров и не несет в себе какого-то произвольного запрета на рекомбинацию. Армстронг, как известно, намеренно формулировал собственную версию принципа рекомбинации так, чтобы она не была чувствительна к различиям в типах миров: их одно-, двух- либо n -индивидуальности, характеристикам инстанцируемых в них n -адических универсалий, вроде симметричности или асимметричности. Тем не менее, при более внимательном анализе проблема себя обнаруживает. Чтобы ее показать, достаточно рассмотреть пример «игрушечного» мира, используемый автором в диссертационной работе [С. 107]. Допустим, мы берем такой мир w_6 , что (**Fa; Fb; Rab; Это все**), где **R** произвольное асимметричное отношение (автор берет, как пример, отношение «быть старше»). Из мира w_6 , принятого за актуальный, путем рекомбинации можно получить возможный мир w_7 такой, (**Fa; Fb; Rba; Это все**). Слабый анти-гексеитизм должен позволить нам различить миры w_6 и w_7 , как *два разных* мира. Но, собственно, здесь и возникает неудобный для метафизической системы Армстронга вопрос: а чем именно случай с мирами w_6 и w_7 , отличается от случая с мирами w_3 и w_5 ? Ответ очевиден, в мирах w_6 и w_7 , инстанцируемое в них отношение **R** является асимметричным, в мирах же w_3 и w_5 оно является симметричным. Это *единственное* различие между этими случаями, никаких других различий нет. Сказанное выше не следует путать с внутримировыми ограничениями на возможные рекомбинации, связанные с фактической структурой инстанцируемых в тех или иных мирах универсалий. Допустим для примера, что существует актуальный трех-индивидуальный мир w_8 такой, что в нем есть три простые партикулярии **a**, **b** и **c**, инстанцирующие три универсалии **F** («иметь массу 1 грамм»), **G** («иметь массу 5 грамм») и **H** («быть красным»), образуя следующие положения дел: (**Fa; Ha; Fb; Hb; Gc; Hc; Это**

все). Несмотря на принимаемое Армстронгом «правило Юма» (любые атомарные положения дел могут иметь или не иметь место вне зависимости от того имеют или не имеют место любые другие положения дел [С. 68]), из мира w_8 путем рекомбинации нельзя получить следующие кортежи из возможных положений дел: **Fa&Ga**, **Fb&Gb**, **Fc&Gc**. То есть ни один достижимый из w_8 мир не может содержать в себе положений дел, где любая из его партикулярии **a**, **b** или **c** (неважно какая) может одновременно инстанцировать универсалии **F** («иметь массу 1 грамм») и **G** («иметь массу 5 грамм»). Такие внутримировые ограничения на принцип рекомбинации, согласно Армстронгу, апостериорно открываются наилучшей научной теорией. Эти внутримировые ограничения на применимость принципа рекомбинации, хотя и могут нами (при желании) оспариваться, они все же не выглядят немотивированными и произвольными, в отличие от кажущегося произвольным априорного запрета на рекомбинацию для миров, вроде межмировых случаев с мирами w_3 и w_6 , где основой запрета служат не фактическая структура рассматриваемых миров, а исключительно одни логические характеристики, инстанцируемых в этих мирах n -адических универсалий (их симметричности или ассиметричности). В итоге, на основе рассмотрения описанных выше двух кейсов с мирами w_3/w_5 и w_6/w_7 становится заметным серьезное напряжение внутри метафизической системы Армстронга между его формулировкой принципа рекомбинации и его тезисом о слабом анти-гекцеитизме. Способом снять напряжение могла бы стать модернизация исходного принципа рекомбинации с помощью ряда специальных оговорок (наподобие следующей: для получения возможных атомарных положений дел рекомбинация применима во всех случаях, кроме типа миров n -индивидуального (где $n \geq 2$), инстанцирующего наряду с простыми свойствами исключительно симметричные n -адические отношения), что, как мне кажется, было бы крайне нежелательным для универсалистски мотивированной комбинаториалистской теории Армстронга. Другим же выходом мог бы стать отказ от слабого анти-гекцеитизма (к чему, судя по всему, склонялся сам поздний Армстронг).

2.3. Из неполемических недостатков диссертационной работы следует указать на «узость» историко-философской базы первой главы. Задача данной главы, обозначенная автором, заключалась не только лишь в реконструкции контекста, но также и в демонстрации того, что ключевые элементы будущей метафизической системы Армстронга (натурализм, онтология положений дел, реализм в отношении универсалий и законов природы, материалистическая трактовка сознания и др.) на самом деле имеют вполне определенную и четко прослеживаемую генеалогию. Собранный автором для данной главы материал [в основном из автобиографического текста: Armstrong D. M. Self-Profile // D. M. Armstrong / Ed. R. J. Bogdan. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1984] в целом позволяет справиться с поставленной в ней задачей, однако нельзя не обратить внимание, что ряд ценных источников по истории австралийской философии остались при этом полностью вне поля зрения автора [например: Essays on Philosophy in Australia / Eds. J. T. J. Szrednicki, D. Wood. Dordrecht: Springer, 1992; Franklin J. Corrupting the Youth: A History of Philosophy in Australia. Paddington, New South Wales: Macleay Press 2003; A Companion to Philosophy in Australia and New Zealand / Eds. G. Oppy, N. N. Trakakis, L. Burns, S. Gardner, F. Leigh. Clayton: Monash University Publishing, 2010; The Antipodean Philosopher. Vol. 1: Public Lectures on Philosophy in Australia and New Zealand / Eds. G. Oppy, N. N. Trakakis. Plymouth: Lexington Books, 2011; The Antipodean Philosopher. Vol. 2: Interviews with Australian and New Zealand Philosophers / Eds. G. Oppy, N. N. Trakakis. Plymouth: Lexington Books, 2012; History of Philosophy in Australia and New Zealand / Eds. G. Oppy, N. N. Trakakis. Dordrecht: Springer, 2014]. Наконец, из мелких, но досадных (прежде всего, для историко-философского исследования) недочетов диссертационной работы можно указать на некоторого рода небрежность автора при написании полных имен упоминаемых им философов. К примеру, британский философ Уллин Плейс упоминается в тексте диссертационной работы как «Уильям Плейс» [С. 38], хотя позднее фигурирует под правильным именем [С. 156].

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Тарас Николаевич Тарасенко заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:
доктор философских наук,
профессор кафедры философии, медиа и журналистики
Социально-гуманитарного факультета
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»
НЕХАЕВ Андрей Викторович

подпись
18 июня 2026

Контактные данные:
тел.: +7(3452)597710, e-mail: socgum@utmn.ru
Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:
09.00.01 – Онтология и теория познания

Адрес места работы:
625003, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6,
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
Кафедра философии, медиа и журналистики
Тел.: +7(3452)597429; e-mail: common@utmn.ru

Подпись А. В. Нехаева удостоверяю:
Заместитель начальника управления по
работе с персоналом:

_____ Н. В. Машинова